

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
М61

Минаков, Сергей Тимофеевич.

М61 Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина / Сергей Минаков. — Москва : Алгоритм, 2016. — 528 с. — (Тайны военной истории).

ISBN 978-5-906880-18-5

Книга доктора исторических наук С.Т. Минакова посвящена трагическому конфликту между военной элитой и советским государственно-политическим руководством во главе со Сталиным. Именно этот конфликт стал причиной репрессий в высшем комсоставе Красной армии в 1937–1938 гг.

Заговор «красных маршалов», утверждает автор, был, но какую роль сыграл в нем Тухачевский? Анализируя сложные и неоднозначные взаимоотношения «красного наполеона» и советского вождя в контексте международного положения и обострения после «военной тревоги» 1936 г. дискуссий по оборонным проблемам СССР, автор называет подлинных заговорщиков и расставляет все точки над «і».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906880-18-5

© Минаков С.Т., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Минаков Сергей Тимофеевич
ЗАГОВОР «КРАСНЫХ МАРШАЛОВ»
ТУХАЧЕВСКИЙ ПРОТИВ СТАЛИНА

Редактор *Н. Мезина*
Художественный редактор *Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.08.2016.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-18-5

СОДЕРЖАНИЕ

«Нас возвышающий обман»	7
Осколки памяти	8

Часть I «Феномен Тухачевского»

«Краснощекие поручики», «бонапарты» и «тухачевские»	23
Вторжение в мировую историю	25
Граф Тухачевский	28
«Наш, семеновец!..»	40
1914 год. Бой под Кжешувом	43
Ночной бой под Ломжей, плен и возвращение в полк	54
Переход к большевикам	70
Лейб-гвардии «капитан» Тухачевский	95
«Он шел туда, куда влекло его собственное воображение»	118
Одержимый войной	129

Часть II. «Бонапартизм вырос из революционной войны»

Тухачевский и Германия в 1922—1923 гг.	146
Ожидание «диктатуры Тухачевского»	154
Что «Смоленск» хотел продиктовать «Кремлю»?	172
Рассказ Карла Радека	182

Часть III. «Все мы вышли из сталинской шинели»

Наследники Ленина	194
Сталин	198
Некоторые размышления о «кремлевском заговоре»	212
Плоды и противоречия ускоренной модернизации России	221
«Иерократия» и советский «вождизм»	226
«Благородный человек, на мелкие пакости не способный»	236
«Новые вожди» Красной армии	260

«Военная тревога» 1935—1936 гг.	267
«Он был именем!»	270
Силуэт «национал-большевизма»	297
Мичман Алексеев и маршал Тухачевский	314

Часть IV. Военный заговор 1936—1937 гг.

«Большие маневры»	329
«План поражения» и «заговор Тухачевского»	336
Группа Якира — Гамарника — Уборевича	364
Еще раз о «военном заговоре» 1930 года	386
Почему 1932 год?	391
«...Всякая группировка становится антисоветской...»	400
«...Я считаю Тухачевского очень опасным военным заговорщиком...»	410
«...Нам даже была известна дата переворота»	419
Подозрительные встречи и «японский документ»	431
Комкор Фельдман и комиссар Фриновский	442
Случайно подслушанный разговор	452
Postscriptum	459

Приложение. Персональный состав офицеров л-гв. Семеновского полка на 20 августа 1914 г.	465
--	-----

Примечания	470
----------------------	-----

«Нас возвышающий обман»

«Жизнь человека в обществе определяется не только осязаемыми реалиями, — обращает наше внимание на фактор «воображаемого» Ж. Ле Гофф, — но и образами и представлениями. Образы, порожденные воображением, не только воплощены в иконографической и художественной продукции, они населяют универсум ментальных образов... Воображение — феномен коллективный, общественный и исторический. История без воображаемого — это история-инвалид, безжизненная история»¹.

На процитированные выше мысли выдающегося французского историка уместно обратить внимание и иметь их в виду, учитывая то обстоятельство, что далее речь пойдет об одном из судьбоносных для нашей страны «исторических феноменов» — о «феномене Тухачевского» или, обозначая его иначе — синдроме «заговора красных маршалов». Обращение к мыслям выдающегося историка-медиевиста, исследовавшего «средневековый мир воображаемого» не должно восприниматься как некий анахронизм, если мы вспомним небольшое, но глубокомысленное произведение выдающегося русского мыслителя XX в. Н.А. Бердяева, посвященное проникновению в сущность исторических и ментальных процессов в Европе и в России, порожденных катастрофой Первой мировой войны, — «Новое средневековье».

Осколки памяти

И время застыло в часах на стене,
И лампы плафон, отраженный в окне,
И кант голубой темно-синей пилотки,
И в бланке служебном лишь росчерк короткий.
И капли дождя на оконном стекле,
И строчки письма на рабочем столе,
И орденский крест на армейском планшете —
Портрет Тухачевского в старой газете².

Эти строчки навеяны рассказами моих старших родственников о 30-х гг. Они вспоминали, что у моей бабушки на стене была вырезка из газеты с портретом Тухачевского во весь рост, в длиннополой кавалерийской шинели. Ей нравились Ворошилов и Тухачевский. Особенно — Тухачевский. В этом не было никаких политических предпочтений и симпатий: просто привлек образ бравого военного с гвардейской выправкой и «старорежимным» офицерским лицом. В ее доме всегда было много военных. Военными были ее зятья, в доме часто бывали молодые военные, их товарищи, знакомые ее сына. Я помню ее уже в весьма преклонных годах. На вопрос о возрасте, она, склонная к ироничным оценкам людей и жизни, обычно улыбалась и отвечала: «Я вышла замуж, когда царь короновался». Этот ответ меня, школьника, интриговал, и позже, став старше, я выяснил, что оба события (и ее замужество, и царская коронация) произошли в 1896 г. Вообще от нее веяло чем-то таинственно-давним, «старорежимным» (как она выражалась). Среди мелких вещей в ее обиходе были какие-то дореволюционные коробочки из-под чая, конфет, иных «колониальных товаров». Забравшись однажды в выдвинутой ящик ее письменного стола, я обнаружил несколько монет времен Александра II, Александра III, Николая II, медные пуговицы с двуглавыми орлами от форменных мундиров, орден св. Станислава 4-й степени, эмалевые бордовые «кубики» и «шпалы» — офицерские знаки различия, крепившиеся на пет-

лицах в довоенные и первые военные годы, авиационную синюю пилотку с голубым кантом. Все это вызывало ощущение чего-то романтично-таинственного. От этих мелочей исходило дыхание какого-то иного, неведомого мне легендарного времени, связующим звеном с которым она была.

Фамилию «Тухачевский» впервые я услышал от моего отца. Поразила она мое, 16-летнее воображение, навсегда засев осколком в памяти, именно тогда, осенью 1962 года. Отец мой, отставной подполковник авиации, пришел домой в осеннем пальто и принес купленную им (и ныне хранящуюся в моей библиотеке) книжку с названием «Этапы большого пути». Это был сборник воспоминаний полководцев и героев Гражданской войны — С.С. Каменева, В.К. Блюхера, А.И. Корка, И.П. Уборевича, В.М. Примакова, В.К. Путны, П.Е. Дыбенко и др., в том числе М.Н. Тухачевского. Перед воспоминаниями каждого героя и полководца был помещен фотопортрет с краткой биографией и почти трафаретным окончанием: «репрессирован» в 1937-м или 1938-м, «посмертно реабилитирован».

Каждая фамилия и каждая биография были для меня откровением, рождением совершенно нового мира, но самое большое впечатление произвела на меня фотография Тухачевского — красивого молодого военного, с маршалскими звездами в петлицах, с открытым, волевым, дерзким взглядом, будто вызывающим на бой, на поединок. Именно к нему мой отец стремился привлечь мое внимание. «Это — Тухачевский, — даже не сказал, а воскликнул он, и в его последующих пояснениях звучал, как мне показалось, какой-то приглушенный восторг — отголоски давнего, уже полузабытого, отчасти ностальгического восхищения. — Мне приходилось с ним встречаться. Интеллигент, выхоленный, белый офицер, поручик лейб-гвардии Семеновского полка». Именно так было сказано: «белый офицер». Замечу, что в досужих разговорах, воспоминаниях пожилых близких родственников, хорошо помнивших «старорежимные времена», различия в понятиях «белый» или «царский» офицер были совершенно размыты: если офицер «старой армии», то значит — «белый офицер». И, как правило, замечу мимоходом, говоря о ком-то, что тот был «бывшим офицером», произносили это с каким-то тихим восхищением. Это был признак человека высокого достоинства, интеллигентного человека. И то, что Тухачевский был бывшим поручиком, гвардейским офицером, интриговало. Было в этом что-то таинственное, необычное, манящее и восхищавшее. Примерно в то же время я посмотрел какой-то цветной художественный фильм, посвященный революцион-

ным событиям 1905 года, в котором было показано, как Семеновский полк подавлял восстание на Пресне. Поэтому Тухачевский, поручик лейб-гвардии Семеновского полка, ассоциировался у меня в сознании как раз с тем, контрреволюционным Семеновским полком. Но в то же время он вдруг оказывался советским маршалом, героем Гражданской войны и революции.

С малых лет я, как и все мои сверстники (а я к тому же был единственным ребенком в семье кадрового офицера ВВС, командира авиаполка), воспитывался в системе нравственных ценностей, ключевыми из которых были революция, поглощавшая явление Гражданской войны, Советская Родина, Великая Отечественная война, популярнейшими воплощениями которых были Сталин, Чапаев, Котовский и др. У нас в большой комнате на стене висели два цветных портрета — Ленина и Сталина. Я помню, как их покупали в Москве (я был тогда еще дошкольником). Мне нравился Сталин. Он мне казался красивым. Наверное, потому что он, как и мой отец, был военным, в погонах генералиссимуса, с Золотой Звездой на груди, с усами, как у Чапаева или у Лермонтова. Лермонтов тоже был военным, офицером, и он тоже мне нравился. Поэтому парадоксальное сочетание в образе Тухачевского «белого офицера Семеновского полка», подавлявшего революцию, и советского маршала, олицетворения Красной армии, было необычным, интригующим, можно сказать, как-то таинственно-завораживающим и приятно-шокирующим сознание и воображение.

Внешний облик Тухачевского ассоциировался у меня с еще одним киноперсонажем. В начале 50-х гг., когда я посмотрел фильм «Любовь Яровая», мне очень понравился один из его героев — матрос по имени Швандя (насколько мне помнится). Но был в фильме и отрицательный персонаж — белогвардейский поручик Яровой, внедренный белыми в командный состав Красной армии. Этот поручик (или подпоручик), в отличие от Чапаева, Буденного, Сталина и других «усатых» героев революции и Гражданской войны, был гладко выбритым, безусым, большеглазым, с холеным, «белогвардейским» лицом. Подобное же лицо смотрело на меня и с фотографии Тухачевского. Пожалуй, такое противоречивое сочетание различных ассоциаций и обусловило мое особое внимание к Тухачевскому.

Возвращаясь к сюжету с книгой, подаренной мне отцом, я помню, что именно тогда он и рассказал два случая из своей военной молодости, связанные с Тухачевским. И я передам его рассказ приблизительно в том изложении, в тех же выражениях, в каких я его запомнил, от первого лица. Мне кажется

ся, что этот рассказ интересен как своего рода «фотоснимок» времени не только в историческом, но и в социально-психологическом отношении. Это рассказ военного человека о времени своей молодости, а значит, преимущественно о «времени радости», каковым оно и должно быть (хотя, сознаю и признаю, к сожалению, таковым оно бывает далеко не всегда и далеко не для всех). Это военно-бытовые эпизоды из советских 1930-х годов.

«Я, москвич по рождению и по происхождению, начал свою трудовую деятельность, поступив с товарищами в Метрострой, — тогда, в середине 20-х уже начиналось строительство московского метро, — так, издавелока, начинал свой рассказ мой отец. — Однако года полтора-два спустя мы, уже комсомольцы-добровольцы, решили отправиться на строительство тракторного завода в Сталинграде. Там-то, в Сталинграде, я и был призван в ряды Красной армии в ноябре 1929 г. К этому времени уже на всю страну прозвучал призыв: «Комсомолец — на самолет!» Вскоре нас, группу молодых новобранцев, вызвали в политотдел воинской части, и его начальник предложил нам подать рапорт о поступлении в летную школу. Предложение было обращено к имевшим среднее или хотя бы неполное среднее образование. Среднее образование у меня было, а по состоянию здоровья я вполне подходил для службы в авиации. Я хотел стать летчиком, ведь летчики и авиация в те годы были овеяны славой и героической романтикой.

И вот в конце 1929 г. я был зачислен курсантом одной из старейших в России Гатчинской авиационной, или, как тогда было принято называть, «летней», школы. Здесь в 1912 г. начинал свою славную авиационную жизнь известный русский летчик-герой, автор «мертвой петли» и воздушного тарана, штабс-капитан П.Н. Нестеров. Начальником школы был Ратауш Роберт Кришьянович³. Он носил пенсне, характерный по тем временам внешний признак «интеллигентности» и «старорежимности», и нам, молодым курсантам, было странно видеть и трудно представить, как это можно было летать в пенсне, надевая поверх него летные очки. А без очков летать было невозможно. Ведь тогда пилот не был закрыт колпаком. Место пилота было открыто, как говорится, «всем ветрам». Только спереди был плексиглазовый щиток.

Едва оказавшись в авиашколе, попали мы под начальство к старшине, видимо, еще со «старорежимным» стажем. Мы его прозвали «Пилсудским» за огромные пушистые усы фельдфельбельского типа. Юзеф Пилсудский, тогдашний руководитель Польши, главного в те времена потенциального врага СССР,

был по-своему популярен и широко известен — и по фамилии, и по портретам, преимущественно карикатурным, в газетах и журналах. Ох, и гонял же нас этот «Пилсудский»! Прикажет, бывало, в полной выкладке, со скаткой, противогоазом, шанцевым инструментом и пр., летом — марш-бросок с песней — либо со старой солдатской «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет...», либо с популярной тогда красноармейской «Эй, комроты, даешь пулеметы, даешь батареи, чтоб было веселей...». И на марш-броске «Пилсудский» вдруг скомандует: «Танки — слева, кавалерия — справа, самолеты — сверху!» — или: «Газы!» Вот и начинаешь суетиться. Натягиваешь этот противогоаз, плюхаешься в пыль или грязь дорожную. Буденовка сползает, скатка мешает, жарко, пот течет. Проклинаешь все на чем свет стоит и, в первую очередь, нашего «Пилсудского». А он подойдет к тебе и говорит: «Демаскируешься. Штык у тебя блестит. С самолета все видно». И все заново. Но сил он шинель длинную, кавалерийскую. Видимо, служил когда-то в кавалерии. А впрочем, был он человеком старой закваски, настоящий русский унтер-служака, строго соблюдавший устав и, в общем, хорошо муштровавший нас, молодых курсантов.

Обучались мы авиационному делу, летая на стареньких аэропланах, как тогда принято было называть самолеты времен Первой мировой и Гражданской войн, на так называемых «летающих этажерках». Это были монопланы, бипланы и даже трипланы, действительно внешне напоминавшие этажерки, — «нюпоры», «фарманы», «спады», «сопвичи», на которых, наверное, летал еще сам Нестеров со своими товарищами.

Довольно часто навевдалось к нам и высокое армейское начальство. Авиационных школ у нас тогда было мало, а Гатчинская, как я уже сказал, была самой старой и самой знаменитой. Неоднократно приезжал к нам нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов. Как-то издалека довелось мне увидеть и бывшего советского Главкома в Гражданскую войну, заместителя наркома С.С. Каменева, всех поражавшего своими роскошными усами, правда, торчавшими в разные стороны, а не свисающими вниз, как у Пилсудского, и не закрученными кверху, как у Буденного. Он приезжал к нам с какой-то инспекцией. Гораздо чаще появлялся в школе тогдашний командующий ВВС Ленинградского военного округа, очень известный в те времена летчик Межерауп⁴, а также заместитель командующего округом, тоже весьма известный — четырежды орденноносец И.Ф. Федько. Однажды посетил нашу школу и сам командующий округом, знаменитый тогда Тухачевский.

Это было летом 1930 г. В училище уже знали, что он должен приехать для инспектирования. Не знаю, повезло ли мне или, наоборот, не повезло в тот день, но я оказался дневальным по казарме. К приезду командующего все было, конечно, приведено в идеальный порядок.

Накануне вечером мой товарищ, отправлявшийся в увольнительную, попросил дать ему на время мою буденовку: собственная была ему великовата и постоянно сползала. А его буденовка мне тоже оказалась не по размеру. Вообще, согласно уставной лексике, буденовка официально именовалась «красноармейским шлемом». Порой ее называли «богатыркой», а то и не без некоторой иронии «громоотводом» — из-за ее конического верха. Собственно говоря, буденовкой называли осенне-зимне-весенний вариант этого «шлема», с длинными «ушами», которые в холодную или морозную пору можно было опускать, кутая и шею, и подбородок. А в тот день на мне был летний вариант буденовки, «панама», с двумя козырьками, спереди и сзади, за что в военной среде он заслужил прозвище «здравствуй-прощай». Так вот, эта «панама» была не очень удобной: если она была чуть великовата, легко сползала набок. И вдруг утром начальник школы неожиданно объявил, что приезжает сам командующий Ленинградским военным округом Тухачевский. Почему-то все считали, что он поляк, видимо, из-за фамилии, похожей на польскую.

Как на грех, в это утро, выше об этом было уже сказано, я находился в наряде дневальным. Старшина раз пять меня инструктировал, как отдавать рапорт командующему. И вот в летний, жаркий день в полной выкладке, со скаткой через плечо, с винтовкой «у ноги» с примкнутым штыком, с противогазом, да еще в чужой «буденовке-панаме» я находился на своем посту. Естественно, нервничал, командующим был сам Тухачевский, и я все надеялся, что, может быть, занятый более важными делами, он в казарму не пойдет.

...Неожиданно послышались голоса, шуршание песка под ногами. Дверь распахнулась — в помещение вошел Тухачевский, а вслед за ним Межерауп, наш начальник училища Ратауш, Федько и еще несколько мне незнакомых военных «чинов». Тухачевский все-таки решил посмотреть, как живут будущие летчики. Я вытянулся, скомандовал «Смирно!» и, взяв под козырек своей буденовки, строевым шагом подошел к Тухачевскому, отрапортовал. Он, также «взяв под козырек», принял мой рапорт, скомандовал «вольно» и, пожав мне руку, направился осматривать казарму. В то время я, курсант-первогодок, видел Тухачевского только на фотоснимках в «Красной Звез-

де», да на стенде в Ленинской комнате. Однако мы, курсанты, уже тогда знали, что он бывший гвардейский офицер. Поэтому внешность его невольно привлекла мое внимание и запечатлелась в памяти: сравнительно молодой, красивый человек, выше среднего роста, плотного телосложения, со спокойным, но решительным взглядом своих больших серо-глубоких глаз. Пройдя вглубь казармы, он вскоре вернулся и, о чем-то говоря со своей «свитой», вышел из казармы. Так, я впервые увидел и, если можно так сказать, познакомился с Тухачевским. Разумеется, вряд ли он запомнил меня: в его жизни и боевой службе таких встреч было столь великое множество, что воспоминание о каком-то рядовом курсанте-летчике наверняка не задержалось в его сознании и его памяти. Но для меня это было большое событие — пожать руку живой «легенде».

В 1932 г. я окончил летную школу, стал летчиком и был назначен на должность летчика-инструктора в Чугуевское военно-воздушное училище, входившее тогда в состав Украинского военного округа. В те годы еще не было персональных воинских званий, введенных в Красной армии только в сентябре 1935 г. Поэтому я получил, как тогда определялось существовавшим положением по шкале комсостава, «категорию — 3», или, как обычно обозначалось, — К-3. Это было примерно на уровне не выше будущего «младшего лейтенанта». Командиром эскадрильи, в которой я служил, был Руденко, известный в будущем высший авиационный командир, маршал авиации, под командованием которого в составе его 18-й воздушной армии, мне пришлось вновь служить в 1944—1945 гг. Я неплохо показал себя в должности летчика-инструктора: в характеристике, выданной мне, были отмечены мои достижения в этой должности.

Различные впечатления тех лет сохранились в моей памяти. Неоднократно доводилось мне видеть и командующего округом — известного командарма И.Э. Якира, и его заместителя, а затем командующего Харьковским военным округом — бородача И.Н. Дубового.

Ко времени моей второй встречи с Тухачевским я был уже лейтенантом в должности командира звена в авиачасти, расположенной недалеко от Чугуева в Харьковском военном округе (после разделения в 1935 г. Украинского военного округа на Киевский и Харьковский). Оттуда я и был направлен в Москву на Первый всесоюзный слет стахановцев военной авиации в числе лучших летчиков военного округа. Тогда-то мне и довелось увидеть Тухачевского, уже Маршала Советского Союза, во второй раз. Это было в Москве 29 февраля 1936 года.

Слет проводился в клубе (Доме офицеров) Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Руководил его проведением начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис.

Чтобы получше разглядеть «знаменитых людей», я устроился на одном из первых рядов. В президиуме сидели замнаркома обороны начальник ПУР РККА Я.Б. Гамарник (он председательствовал на этом слете и вел заседание), Маршал Советского Союза С.М. Буденный, уже названный мною Алкснис, секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, корпусной комиссар Березкин...

На всех произвела впечатление большая и густая черная борода Гамарника, человека, пользовавшегося огромным авторитетом в войсках. Буденный, выступая, постоянно шутил, при этом, обращаясь к стенографисткам, тут же просил: «Это не записывайте». Его выступление, неоднократно вызывавшее веселое оживление в зале, можно сказать, несколько развлекло присутствовавших.

Неожиданно зал, заполненный молодыми, пышущими здоровьем летчиками, расслабленный шутками только что выступившего Буденного, вдруг настороженно притих. Прошелестело: «Тухачевский, Тухачевский!..» Занимая свои посты, застутились сотрудники НКВД...

Он появился из-за кулис внезапно и быстро прошел к трибуне. В отличие от привычных для военнослужащих тех лет гимнастеров с португеей, галифе, начищенных до блеска сапог, Тухачевский был в темно-синих брюках навыпуск, в свободном кителе (без ремня, без португеи) с золотыми маршальскими звездами на красных петлицах, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди. Тщательно расчесанные на «гвардейский» пробор, гладко прилизанные волосы, дерзкий, слегка надменный (так казалось), но открытый волевой взгляд больших, чуть навывкате, серо-голубых глаз... У нас, молодых командиров, Тухачевский ассоциировался с «киношными» выхоленными офицерами-белогвардейцами из популярного тогда кинофильма «Чапаев». Мы знали, что он был поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. Это проявлялось в его осанке, в строевой выправке. Я не помню всего, что он говорил, да, признаться, первые минуты меня привлекало не то, что говорил маршал, а он сам. ...Тухачевский выступал недолго, минут пятнадцать. Он покинул трибуну и зал столь же стремительно, как и появился. Нам пояснили, что маршал сейчас очень занят. Он не казался нам «своим», как Буденный, но невольно притягивал к себе — ему хотелось подражать».

Поясняя такого рода впечатления, производимые той или иной выдающейся личностью, известный психолог Г. Лебон заметил: «...обаяние может слагаться из противоположных чувств, например, *восхищения и страха*»⁵.

Впечатление, которое произвел Тухачевский на молодого офицера-летчика, на мой взгляд, смыкается с некоторыми штрихами характеристики, данной ему маршалом Г.К. Жуковым, для которого в 30-е годы, несомненно, восхищавший его Тухачевский, кажется, тоже не был «своим». По его мнению, мнению человека «рабоче-крестьянского» происхождения и воспитания, «красного командира» из унтер-офицеров, Тухачевскому «была свойственна некоторая барственность, небрежение к повседневной черновой работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание»⁶. Ворошилов тоже называл Тухачевского «барчонком». Близкий по происхождению, по духу, по своим настроениям Жукову (по его собственным признаниям⁷), комкор И.С. Кутяков свое отношение к Тухачевскому выражал еще более резко (и в разговорах с сослуживцами, и, после ареста, на следствии), называя его «белоручкой», «белой костью» (похоже, вкладывая в определение «белый» и политический смысл), представителем «вновь нарождающейся военной аристократии»⁸. На заседании актива центрального аппарата Наркомата обороны СССР 9 мая 1937 г. А.И. Седякин, близкий друг уже арестованного комкора Кутякова, сообщал, что тот «со страшной ненавистью говорил всегда о Тухачевском: „Это же не наш человек, это — враг. Разве можно ему доверять?“»⁹

Впрочем, все-таки следует отметить и, как мне думается, принципиальные отличия в отношении к Тухачевскому со стороны «красных командиров» рабоче-крестьянского происхождения, выросших из «партизан» Гражданской войны (таких, как Белов, Кутяков, Апанасенко и др.), и молодых «красных офицеров» нового поколения, в званиях лейтенантов — майоров, получивших образование в военных училищах, особенно летчиков, танкистов, артиллеристов. Это были те командиры «новой» Красной армии, «армии моторов», командиры новой формации, которые, будучи воспитанными в основном уже в советское время и, безусловно, «до мозга костей» советскими по мировосприятию, уже позиционировали себя в армии и обществе прежде всего как военных профессионалов. Это были те, кого, отличая и выделяя, Уборевич и Тухачевский называли «культурными командирами».

Место Тухачевского и других «жертв сталинского террора» в хронологической таблице моего поколения, в силу са-

мого хода нашей отечественной истории оказалось необычным. Тухачевский, как другие погибшие в 1937—1938 гг., для меня и моих сверстников оказались современниками. Психологически их гибель воспринималась как случившаяся именно в начале 60-х гг. Биографические сообщения о них в газетах и журналах очень походили на некрологи только что трагически погибших людей. Даже учебник «Истории СССР» для 10-го класса, по которому мы в школе изучали историю советского времени в 1962—1963 г., в значительной части (в разделах, посвященных советской истории 20—30-х гг.) был перепечаткой учебника 1936 г., с тем же портретом Тухачевского в параграфе о советско-польской войне 1920 г. Поэтому Тухачевский и подобные ему «невинные жертвы сталинского террора» стали для меня, для нас (по крайней мере, для большинства) «героями нашего времени».

И еще «*memento mori*» (помни о смерти), как говорили древние. Несомненно, существенную роль в формировании посмертной парадоксальной популярности Тухачевского, его мифологизации и противоречивой сакрализации сыграла его гибель.

Таинство Смерти, являясь, пожалуй, основополагающим в сознании Человека во все времена, рождало мировые религии и рождает ныне религиозные и псевдорелигиозные увлечения и учения новейшего толка. Но лишь таинство неожиданной, неестественной, преждевременной, как правило, насильственной смерти, в результате Великого Случая в Истории, вторгающегося в жизнь отдельного человека, народа, страны, государства, таит в себе Великий Вопрос, обволакиваемый сакральностью.

В образе смерти, быть может, просматривается и глубокий смысл существования человека, его жизнедеятельности. В определенном мировоззренческом ракурсе это ее итог, результат. Как говорили древние, «*finis coronat opus*» (конец — делу венец). Жизненный путь, прерванный внешними силами, противоестественная и преждевременная гибель человека становятся импульсом для мифотворческой героизации или демонизации личности, обволакиваемой сакральной сумеречностью. «Иисус Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте», — размышлял Наполеон, находясь в изгнании на Святой Елене, по выражению А.С. Пушкина, «мучим казнию покоя», «на своей скале», затерянной в Океане. «Распятие открывает путь в царство самопожертвования, — развивает эту мысль А. Мальро. — Разумеется, поступки героя истории не столь однозначны и славою своей он часто бывает обязан раз-